

гнѣва. А если эти страсти такъ вредны для тѣла, то подумай, какъ вредны для души. Не рассчитывай на то, что ты этого не видишь, но подумай, что если и то, что принимаетъ зло, терпитъ такой вредъ, — какой же вредъ получить то, что его раждаетъ? Многие отъ гнѣва потеряли глаза; многие впади въ самую тяжкую болѣзнь. Между тѣмъ, человекъ великодушный легко перенесетъ все. Нѣтъ ничего хуже гнѣва, возлюбленный; нѣтъ ничего хуже неумѣстной раздражительности. Гнѣвъ не терпитъ дальняго отлагательства: это — бурная страсть. Часто случается, что въ гнѣвѣ иной скажетъ такое слово, для вознагражденія котораго нужна цѣлая жизнь, или сдѣлаетъ такое дѣло, которое испровергнетъ всю его жизнь. Вѣдь то — то и ужасно, что въ короткое время, чрезъ одинъ поступокъ, чрезъ одно даже слово, эта страсть часто лишаетъ насъ вѣчныхъ благъ и дѣлаетъ напрасными безчисленные труды. Посему умоляю васъ, употребите всѣ мѣры къ тому, чтобы обуздать этаго звѣря. Да будетъ для васъ примѣромъ благодать и человеколюбіе Господа нашего Иисуса Христа, съ которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

« Какъ же быть! что же дѣлать! »

(Наша поговорка)

Кто изъ насъ не знаетъ, что нѣкоторые весьма важные дни, на примѣръ — дни сырной седмицы, назначенные перковію для поста и молитвеннаго сокрушенія о грѣхахъ, людской обычай превратилъ въ дни веселья, въ народный праздникъ, въ время пресыщенія неумѣренности въ пищѣ

и питьѣ, неумѣренности во всемъ. (*) Всякій знаетъ при этомъ, что, «конечно,» не такъ бы надобно проводить эти дни; но въ оправданіе свое, обыкновенно, прибавляетъ: «да какъ же быть? Нельзя не соблюдать общихъ обычаевъ!»

Охъ эти: «конечно» и «какъ быть!» сколько они дѣлаютъ зла въ нашемъ спасеніи, какъ они губляютъ нашу душу! Вѣдь это значитъ завѣдомо оставлять Господа, завѣдомо мириться съ грѣхомъ, уживаться въ мирѣ съ противникомъ Божиимъ діаволомъ. Другое дѣло, когда мы падаемъ по неосторожности, по-невѣденію, по забвенію, по слабости силъ; и совсѣмъ другое дѣло, когда мы намѣренно грѣшимъ, знаемъ, что это грѣхъ и идемъ на грѣхъ сами говоря: «конечно, да какъ быть». Первое—грѣхи немощи, а послѣднее—безстрашіе; немощь призываетъ сожалѣніе и помощь отъ Господа, если мы съ раскаяніемъ въ своихъ паденіяхъ просимъ Господа о помощи; а безстрашіе вызываетъ на себя палящій огонь гнѣва Божія, и благо намъ, если, чтобъ обратить насъ отъ безстрашія къ покаянію, мы еще какимъ нибудь несчастіемъ или горемъ, или болѣзнію отъ Господа наказуемся, да не съ миромъ осудимся (1 Кор. II. 32) О, сохрани насъ Господь отъ вольныхъ грѣховъ,—отъ того, чтобы грѣшить намѣренно, зная напередъ, что вотъ я буду то-то и то-то дѣлать въ оскорбленіе Божіе, а тамъ ужъ послѣ покаюсь. Но возвратимся къ началу нашей рѣчи.

Тѣ не вовсе несправедливы, которые, въ оправданіе своего подчиненія всеобщему обычаю, сдѣлавшему изъ сырной

(*) Точно также и дни «Свѣтлой седмицы», назначенные для духовной радости и торжества, для дѣлъ милосердія и правды, вопреки своему назначенію, посвящаются большею частію на однѣ земныя и чувственныя удовольствія. (редакт.)

недѣли праздникъ, говорятъ, что законы общежитія, гостеприимства и взаимной братской любви требуютъ и у себя принимать желающихъ посѣтить насъ и самимъ отвѣчать посѣщеніями на посѣщенія. Это правда; да почему же и не быть этому? вѣдь во взаимномъ братскомъ угощеніи нетолько нѣтъ никакого грѣха, а даже еще мы можемъ какъ бы самаго Господа принять и угостить у себя. Да таковы именно и должны быть взаимныя посѣщенія и угощенія у Христіанъ, т. е. такихъ людей, которые что ни дѣлаютъ, все стараются дѣлать, даже ѣсть и пить не просто какъ неразумныя животныя, незнающіе Своего Создателя, а какъ люди—во славу Божию, *аще ли ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите (1 Кор. X. 31.)* Но дѣло въ томъ, что напрасно думаютъ нѣкоторые взаимными посѣщеніями и угощеніями оправдывать неумѣренность, невоздержаніе, пресыщеніе, пьянство, потомъ всякое нравственное безобразіе, до котораго такъ легко доводить пьянство. Взаимныя посѣщенія и угощенія—одно дѣло, а неумѣренность и невоздержаніе—совсѣмъ другое. Всякій знаетъ самъ себѣ мѣру и знаетъ, что бываетъ послѣдствіемъ, когда онъ преступаетъ эту мѣру. А особенно неумѣренность въ употребленіи вина,—до чего она не доводитъ, до какихъ тяжкихъ паденій! Недаромъ сказано въ писаніяхъ: *не наказанно* т. е. необузданно *вино (Притч. Солом. гл. XX, 1)*. И такъ никакого не будетъ грѣха и нисколько не будетъ противно намѣренію Церкви Божіей, учредившей воздерживаться только отъ мяса въ теченіе этой недѣли, если мы, съ благодареніемъ Богу, будемъ и принимать, и и сами дѣлать установившіяся обычаемъ посѣщенія, если мы будемъ при этомъ употреблять, съ благодареніемъ Богу, и предлагаемую намъ дозволенную пищу и вино, которое *веселитъ сердце чловѣка*. Каждый, кто при этомъ нарушаетъ мѣры, можетъ съ чистою совѣстію сказать съ апостоломъ: *аще азъ благодатию причащаюся* т. е. если я съ благодареніемъ принимаю (пищу и питіе) *почто хулу приѣмлю, о немъ же азъ благодарю?* то для чего мнѣ и подвергаться порицанію за то, за что я благодарю Бога? *(1 Кор. X: 30.)* Только бы небыло невоздержанія, неумѣрен-

ности; каждый только пусть самъ за собой наблюдаетъ, а другой пусть не мѣшаетъ ему быть воздержнымъ. Вотъ это истинно дурной, не христіанскій обычай упрашивать, принуждать, приневоливать другаго ѣсть и пить, какъ будто иначе и выразить нельзя своего радушія, своего желанія сдѣлать другому пріятное. Сколько, я думаю, чрезъ этотъ дурной обычай люди, и сами того не зная, *приобщаются чуждымъ грѣхамъ*, т. е. дѣлаются виновны въ отвѣтъ предъ Богомъ за неумѣренность другаго, которая сама по себѣ есть великій грѣхъ, да и за всѣ тѣ, иногда тяжкіе, очень тяжкіе грѣхи, — которыя бывають послѣдствіями неумѣренности: обиды, ссоры съ чужими и своими, жестокость въ семействѣ, нецѣломудріе и пр. и пр., они дѣлаются вмѣстѣ съ самими неумѣренными, виновны въ тѣхъ слезахъ, которыя у насъ такъ часто бывають послѣдствіями неумѣренности и невоздержанія мужей, отцевъ семейства, сыновей.

ДѢЛАННОСТИ И

Впрочемъ и то правда: не всѣмъ полезны, не всѣмъ безопасны — лучше сказать эти взаимные посѣщенія и учрежденія. Всякій знаетъ самъ себя. Есть люди, которые, сдѣлавъ привычку быть неумѣренными, дали надъ собой этии власть лукавому постоянно *искушать* ихъ *невоздержаніемъ*, такъ что имъ нельзя позволить себѣ и малаго, чтобы отъ малаго не дойти до излишества. Это все равно, что больные, а больнымъ врачи часто отказываютъ и въ томъ, чего имъ хотѣлось бы; да больные, истинно желающіе себѣ исцѣленія, и сами себѣ отказываютъ въ томъ, что для нихъ вредно; и временное воздержаніе скорѣе возвращаетъ имъ здоровье. Такъ и этимъ въ душевно больнымъ, если они хотятъ избавиться отъ своей болѣзни, ужъ надобно поплатиться совершеннымъ воздержаніемъ за прежнюю неумѣренность. Придетъ время и — они опять также будутъ какъ всѣ. Теперь же, конечно, имъ лучше воздержаться отъ посѣщеній и при посѣщеніяхъ, дѣлаемыхъ другими, воздержаться отъ участія съ другими въ братскихъ угощеніяхъ, безвредныхъ для другихъ, а для нихъ опасныхъ. Стыдиться тутъ нечего; тѣмъ болѣе, что, обыкновенно, и слабость ихъ извѣстна всѣмъ. Напротивъ, тѣ самые, которые теперь, по

заведенному обычаю угощения, дѣлають соблазнъ своимъ слабымъ братьямъ и всячески извиняють на словахъ ихъ слабость, гораздо болѣе будутъ чувствовать къ нимъ уваженія. Кто болѣе достоинъ уваженія? тотъ ли, кто, — въ борьбѣ съ врагомъ, который его сильнѣе, — много разъ падаетъ, но каждый разъ встаетъ и снова начинаетъ бороться, или тотъ, кто, зная, что врагъ его сильнѣе, — побитый малодушно лежитъ у ногъ его, недумая подняться и нежелая снова начать борьбу. Безъ сомнѣнія — первый достоинъ всякаго уваженія и почтенія, хотя бы онъ и падалъ многократно; и, — Господь въ томъ порукой, — что, если онъ будетъ продолжать свою борьбу искренно, по совѣсти, — стоять противъ врага, сколько у него силъ останется, — будетъ время, что онъ побѣдитъ его совершенно. Такихъ, при помощи Божіей, побѣдившихъ свою страсть, мало ли мы можемъ найти между собою, если захотимъ поискать и припомнить.

Но страшно и опасно положеніе человѣка, который при наступленіи дней этихъ говоритъ самъ себѣ въ сердцѣ своемъ: «позволю себѣ; Господь милостивъ! въ постѣ покаюсь.» — Въ постѣ покаюсь! — Покается, — да развѣ это покаяніе? да увѣренъ ли онъ, что найдется тогда у него покаяніе въ сердцѣ. Вѣдь это истинно онъ Господу говоритъ: «Господи Ты прости меня, я жалѣю, что оскорбляю тебя своими грѣхами; но вотъ я намѣренъ еще нѣсколько времени оскорблять Тебя». И будто ему можно повѣрить, что онъ на самомъ дѣлѣ жалѣетъ?... Ну, если бы какойнибудь обижавшій насъ, много разъ обижавшій, постоянно, каждый день обижавшій насъ человѣкъ пришелъ и сталъ просить у насъ прощенія въ сдѣланныхъ намъ оскорбленіяхъ; и мы подобротъ души своей, совершенно простили его и опять полюбили его какъ брата; вдругъ этотъ самый человѣкъ говоритъ намъ: «нѣтъ, я теперь еще не прошу простить меня, вотъ еще одну недѣлю я буду оскорблять тебя, а потомъ ты меня прости, — потомъ я скажу тебѣ, что каюсь, и жалѣю о томъ, что дѣлалъ доселѣ и что те-

перь намѣренъ дѣлать.» Посудимъ же по себѣ, что мы дѣлаемъ, когда, намѣреваясь говѣть и исповѣдываться въ великомъ постѣ, говоримъ въ сердцѣ своемъ: «послѣ покаюсь завсе.» Отъ такого безстрашія, не долго дойти до совершеннаго безчувствія, до не раскаянности. Но да сохранить насъ отъ этого Господь.

С. В. А.—ii.

Черты дѣятельности сельскаго священника, вызываемыя современнымъ положеніемъ прихожанъ.

Съ 19 Февраля 1861 г. бытъ русскихъ крестьянъ, измѣнился. Уничтоженіе крѣпостнаго права, въ связи съ рядомъ другихъ преобразованій и улучшеній, внесло въ нашу народную жизнь новыя отношенія и новыя стремленія. Въ селахъ водворилось самоуправленіе, обнаружилась большая охота къ грамотности, возвысилось матеріальное благосостояніе, и т. п., иначе сказать у народа прибавилось силъ, жизнь его двинулась впередъ: требуется, чтобы поднялись и нравственныя силы его первыхъ руководителей въ жизни — пастырей.

Сельскій священникъ, за очень рѣдкими исключеніями, самый образованный человекъ въ приходѣ. Поэтому крестьяне издавна привыкли обращаться къ нему за совѣтами и указаніями во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ для пониманія дѣла недостаетъ ихъ собственнаго разума. Съ новымъ положеніемъ крестьянъ, установленнымъ 19 Февраля 1861 г. въ ихъ жизни вошло много новыхъ условій — юридическихъ, общественныхъ и экономическихъ. Вредно было — бы для священническаго авторитета и для успѣховъ его духовнаго